

СОЦИОПОГИЯ ПАНДЕМИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-35-46

УДК 316.4

Модернизация общества в условиях пандемии COVID-19: глобальные и локальные изменения

Майя Андреевна Ядова

кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии,
Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, РФ)
ORCID: 0000-0002-2988-1513
m.yadova@mail.ru

Аннотация. В работе исследуется, как пандемия COVID-19 повлияла на процессы, связанные с модернизацией общественного развития. Ее цель — концептуальное осмысление вызванных пандемией глобальных и локальных общественных изменений, зафиксированных в работах отечественных и зарубежных социальных исследователей, в контексте существующих модернизационных трендов; приводятся результаты этих исследований. Показано, как процессы модернизации связаны с набирающими силу тенденциями деглобализации, усиления социального неравенства, ослабления международных отношений, а также с трансформацией прежней структуры общества и привычных форм социального взаимодействия. Отмечается противоречивый характер влияния постковидных изменений на модернизационные тренды. С одной стороны, заданы новые векторы для модернизации ряда сфер общественной жизни (систем здравоохранения, образования, государственного управления, торговли и др.), появились широкие возможности для цифровизации и развития IT-технологий, с другой — усиливаются изоляционистские и традиционалистские интенции. Особое внимание уделяется индивидуально-личностному измерению социальной модернизации. Автор, опираясь на данные собственных эмпирических исследований, анализирует концепцию «современной личности» американского социолога А. Инкельса, показывая ее эффективность в условиях быстро меняющихся реалий постковидного социума. Качества «современной личности» (открытость переменам, социальная ответственность) позволяют адекватно реагировать на новые вызовы и риски. Делается предположение, что представители поколений миллениалов и центениалов, обладающие значительным модернизационным потенциалом и сформировавшиеся в условиях специфического «режима взросления», являются одной из наиболее адаптированных к последствиям пандемии COVID-19 социальных групп в России и за рубежом.

Ключевые слова: модернизация общества, пандемия COVID-19, молодежь, концепция «современной личности» А. Инкельса.

Цитирование: Ядова М. А. Модернизация общества в условиях пандемии COVID-19: глобальные и локальные изменения / М. А. Ядова // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 4 (18). С. 35-46.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-35-46

ВВЕДЕНИЕ

Охватившая мир пандемия COVID-19, став беспрецедентным вызовом для человечества, дала возможность по-новому взглянуть на многие казавшиеся прежде обыденными социальные явления и процессы. Цель данной статьи — осмыслить связанные с пандемией глобальные и локальные общественные изменения, зафиксированные в работах отечественных и зарубежных исследователей, в контексте существующих модернизационных трендов.

За прошедшие с начала пандемии полтора года сформировалась новая отрасль социального знания — социология пандемии COVID-19 (см., например, [2, 18, 26]), которая, с одной стороны, имеет собственный уникальный предмет исследования, а с другой — содержательно пересекается с уже сложившимися социологическими субдисциплинами вроде социологии риска, социологии катастроф, социологии безопасности, социологии здоровья и медицины и т. п. В фокусе новой социологической субдисциплины прежде всего находятся вызванные пандемией социальные изменения. Так, отечественные социологи Ю. Г. Волков и В. И. Курбатов, опираясь на результаты отечественных и зарубежных исследований, выделяют следующие ключевые темы для изучения постковидного будущего: трансформация «институциональной матрицы» и социальной структуры общества, а также традиционных форм социального взаимодействия (упор на горизонтальные связи, парадоксальное сочетание процессов солидаризации и атомизации и пр.); усиление влияния государства и укрепление национальной государственности; рост проблем, связанных с безопасностью и экономическими последствиями пандемии; развитие цифровых (дистанционных) технологий в различных общественных сферах; влияние коронавирусного кризиса на личностные особенности (модели поведения, психическое самочувствие и пр.) [2, с. 29].

По словам некоторых экспертов, на сегодняшний момент выработался особый язык пандемии, который вполне успешно используется как в повседневной жизни, так и в научных работах. Например, реалии борьбы с COVID-19 нередко заставляют

прибегать к военным метафорам: «новая повседневность» объявляется линией фронта, медиков и волонтеров называют героями, а заболевших или умерших — ранеными или погибшими; маски, перчатки и антисептики становятся средствами индивидуальной защиты, позволяющими сохранить «боеготовность» человечества [19]. Также активно используется сравнение новых — зачастую пугающих — реалий жизни с мирами и явлениями, описанными в антиутопиях. Этот факт даже позволил авторам британского «Словаря коронавирусной реальности» включить слово «антиутопия» в лексикон ключевых понятий пандемии [33]. Более того, по мнению австралийской исследовательницы Р. Коннелл, для осмысления коронавирусного кризиса обществоведкам необходимы не только интеллектуальные усилия и достаточный уровень информированности о предмете исследования, но и особое творческое социальное мышление (в применении к социологии можно говорить о социологическом воображении), способности к генерированию нетривиальных идей [18, с. 750]. Например, австралийский исследователь П. Уорд, размышляя о будущем человечества в контексте коронавирусных ограничений, использует для наглядности иллюстрации тех или иных антиутопических «картин жизни», отвечающие им строки популярных песен, книг и т. п. [35].

Представляется интересным выяснить, связана ли пандемия COVID-19, а шире — массовые эпидемии, с процессами модернизации общественного развития. Влияние нынешней пандемии на социальную жизнь несомненно, но, может быть, сама пандемия — косвенный результат модернизации? Что касается понятия модернизации, то оно трактуется исследователями неоднозначно. Изначально так определяли переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. Классики социологии (О. Конт [17], Э. Дюркгейм [3], М. Вебер [1], Ф. Тённис [6] и др.), писавшие на эту тему, прежде всего уделяли внимание тому, как архаичная, дотехнологическая стадия общественного развития замещается новым — урбанистическо-индустриальным социальным порядком, ориентированным на промышленные технологии, четкую дифференциацию социальных

структур, рационализацию, бюрократизацию и секуляризацию общественных отношений.

Сегодня в самом общем смысле модернизацию принято трактовать как процесс любых прогрессивных социальных изменений, усовершенствования общественной системы и ее частей. Модернизация затрагивает социальную, экономическую, политическую, культурно-духовную и иные сферы общества. Современные исследователи пересмотрели считавшееся много лет классическим понимание процесса модернизации как единообразного поступательного движения любых обществ к некоему прогрессивному образцовому варианту развития, как правило, западного толка. Отход от трактовок, принятых в работах ученых середины XX в. (М. Леви [24], У. Ростоу [31], С. Блэка [15], Ш. Эйзенштадта [27] и др.), обусловлен невозможностью объяснить с помощью линейного подхода всё многообразие переходных социумов и специфику присущих им модернизационных трендов (последние, например, нередко детерминированы социокультурной самобытностью и национальными традициями определенного общества). Учет этих особенностей, признание множественных вариантов модернизации и стремление исследовать черты современного общества сквозь призму изучения эпохи Postmodernity составляют новый взгляд на модернизацию и модернизирующиеся общества (см., например, работы П. Штомпки [10], У. Бека [14], С. Хантингтона [21], З. Баумана [13], Э. Гидденса [20], Р. Робертсона [30]). Вместе с тем многие модернизационные концепции, получившие известность в прошлом веке, приобретают новое звучание в наше время. Таковыми, например, можно считать исследования американского социолога А. Инкельса [22, 23], посвященные формированию в модернизирующихся обществах особой системы ценностей и личностных качеств (подробнее об этом пойдет речь ниже).

Если говорить о России, то, по мнению большинства отечественных ученых, наша страна до сих пор мучительно ищет собственный вариант модернизационного развития, пытаясь выбрать более адекватные стратегии (назовем их эндогенно-экзогенными), чем следование «особым» или «догоняющим» путем [7, 8]. В последние десяти-

летия для российского социума характерны параллельно протекающие модернизационные и антимодернизационные тенденции [9], однако, как показывает практический опыт других стран, в ближайшем или отдаленном будущем Россия должна преодолеть тормозящие ее развитие так называемые модернизационные ловушки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 и модернизация общества: взаимонаправленное влияние

Тема комплексного взаимодействия коронавирусных эффектов и процесса модернизации пока изучена слабо, в большинстве случаев исследователи уделяют внимание лишь одному или нескольким аспектам данного вопроса. В какой-то мере попытка восполнить этот пробел делается в работе отечественного исследователя А. Н. Щербака [11]. Он выделяет четыре направления исследований связи массовых эпидемий (а не только пандемии COVID-19) и модернизации: распространение вирусов в качестве причины, следствия и препятствия модернизации, а также отнесение победы над массовыми эпидемиями к своеобразному триумфу модернизации. Причем, по словам автора, нынешняя пандемия COVID-19 может быть описана сквозь призму всех указанных подходов.

Действительно, отдельные вирусы и эпидемии нередко в прошлом были триггерами глобальных институциональных сдвигов. Так, А. Н. Щербак приводит в пример влияние эпидемии бубонной чумы на модернизацию стран Запада в XIV в. Демографический кризис, вызванный колоссальными потерями населения (в некоторых странах число жертв «черной смерти» достигало половины), существенно повлиял на тогдашний европейский рынок труда, увеличив ценность трудовых ресурсов и став стимулирующим фактором для профессиональной дифференциации, механизации трудового процесса; кроме того, он способствовал развитию рационального мышления, вызвав интерес не только к медицине, но и к научным знаниям в целом [11, с. 7]. Что касается сегодняшней пандемии, то она задала новые векторы для модернизации ряда сфер общественной жизни (систем здравоохранения, образования,

государственного управления, рынка труда, торговли и др.), появились широкие возможности для цифровизации и развития сектора ИТ.

Вместе с тем массовые эпидемии отчасти порождаются связанными с модернизацией процессами: урбанизацией (а значит, ростом плотности населения), индустриализацией, глобализацией и т. п. В глобализирующемся мире, части которого сильно взаимосвязаны, межстрановой «обмен вирусами» происходит гораздо интенсивнее, чем в прошлом [11, с. 15-16]. Напомним, что характерной чертой постсовременного общества является чрезвычайно высокая скорость социальных и технологических изменений, что делает риски эпохи позднего модерна глобальными [14, 20].

Кроме того, эпидемии можно рассматривать и как источник социального регресса. На время замедляющаяся социальная жизнь и ослабление мобильности препятствуют развитию и проникновению новых технологий, инноваций и институтов, это несет в себе угрозу архаизации общества [11, с. 16].

Наконец, тезис о том, что победа над смертоносными инфекционными заболеваниями во многом достигается за счет модернизационных преобразований, также не вызывает сомнений. Как справедливо замечает А. Н. Щербак, «история модернизации была бы неполной, если в нее не включать прорывы в медицине» [11, с. 24].

Большинство исследователей при осмыслении связанных с пандемией COVID-19 процессов, как правило, говорят об усилении тенденций деглобализации, социального неравенства, атомизации и дивергенции. Об этом, например, пишет вице-президент Международной социологической ассоциации (ISA), бельгийский социолог Ж. Плейер [29]. По его мнению, коронавирусный кризис — это проявление глубочайшего общемирового «социального, экологического и политического кризиса» [29, с. 2]. На этом фоне острее проявляются проблемы, связанные с социальным неравенством. Ж. Плейер замечает, что зачастую шансы выздороветь от COVID-19 зависят не только от страны проживания, но и от множества факторов, связанных с социостатусными, материальными, социокультурными, этническими, возрастными, гендерными и иными характеристиками заболев-

шего человека. Особые опасения Ж. Плейера вызывает взятый тренд на деглобализацию и ослабление межнациональных связей во всех сферах общественной жизни, что грозит увеличить и без того значительный разрыв между странами — лидерами общественного развития и теми, кто находится в ряду аутсайдеров. Более всего Ж. Плейера беспокоит стремление к изоляционизму представителей национальных медицинских сообществ, нежелание или неспособность развитых стран оказывать помощь государствам, которые не в состоянии разработать собственные противокоронавирусные вакцины. Тем более что, подчеркивает ученый, сегодня перед лицом общей угрозы от человечества требуется усиление международных связей и большее проявление солидарности, взаимопомощи и гуманизма. Пандемия стала проверкой на эффективность не только состояния медицины тех или иных государств, но и их социально-политических систем, убежден Ж. Плейер. Исследователь видит два варианта сценария постковидного будущего: тот, в котором возьмут верх гуманистические идеалы и истинная забота о человеке и его жизни, и негативный — который предполагает укрепление авторитарных тенденций в угоду «биополитическим целям» [29, с. 3].

Сегодня, по прошествии некоторого времени с момента выхода публикации Ж. Плейера, можно сказать, что многие отмеченные им проблемы действительно оказались ключевыми в период коронавирусного кризиса, а главное — большинство из них антимодернизационны по своей сути, так как тормозят общественное развитие. Стоит отметить, что пандемия COVID-19 не только усилила социальное неравенство, но и создала его новые формы (деление на привилегированные и социально уязвимые классы: привитых и непривитых, здоровых и переболевших, работающих очно, дистанционно и безработных, обладателей цифровых компетенций и тех, у кого таких знаний и навыков нет). Примечателен гендерный аспект социального неравенства. В условиях пандемии степень уязвимости женщин существенно возросла, причем это касается как профессиональной, так и бытовой сфер жизни:

женщины чаще мужчин становятся безработными, страдают от увеличившейся нагрузки на работе (например, медсестры) или дома, оказываются жертвами домашнего насилия [12]. Вызывает опасения, что существующие варианты неравенства укрепятся в общественной практике в соответствии с известным «эффектом Матфея» — специфическим феноменом распределения преимуществ, согласно которому обладатели определенных ресурсов продолжают их накапливать, а те, кто уязвим, теряют последнее. По мнению британского социолога М. Пикерсгилла, устойчивые формы социального неравенства способствуют формированию в обществе негативных паттернов, отвечающих за уровень заболеваемости и смертности [28, с. 349], в связи с этим страны, в которых социально уязвимые группы населения составляет ощутимую часть, рискуют никогда не справиться с пандемией COVID-19. В странах с традиционно слабым гражданским обществом цифровые технологии контроля нередко маскируются под заботу государства о населении. Например, похожая ситуация наблюдается в Китае с его системой социального наблюдения, развитой даже в доковидные времена.

Пандемия COVID-19 сформировала особое отношение к цифровым технологиям, превратив их из рабочего инструмента в бесценного «проводника» по лабиринтам коронавирусной повседневности, ключевой способ социальных взаимодействий и поддержания межличностных контактов. Стоит выделить амбивалентность «цифровых эффектов» пандемии: с одной стороны, новые технологии оказывают неоценимую помощь в преодолении вызванных пандемией ограничений, с другой — чрезмерная алгоритмизация социальной жизни может угрожать гражданским правам и свободам, негативно влиять на психическое самочувствие человека и т. д. [16]. Кроме того, цифровая грамотность является дополнительным ресурсом для адаптации к реалиям как постковидного мира, так и модернизирующегося социума.

Анализ деглобализационных трендов невозможен без внимания к проблемам дивергенции

и регионализации социальных сообществ. Процесс модернизации прочно ассоциируется с конвергенционными трендами: в модернизирующихся социумах становятся схожими институциональные структуры, ценности, культурные представления и социальные практики. Вместе с тем признанные классики, писавшие на тему модернизации, отмечали, что модернизация ни в коей мере не отвергает идею социальной дивергенции как усиления расхождения изначально однородных социальных, экономических и политических процессов, явлений и систем. По мнению пионера исследований социальной модернизации американского социолога А. Инкельса, не существует единого «модернизационного» стандарта, который бы подходил всем участникам глобального мира, поэтому ориентация разных социальных систем на диверсификацию (одновременно с трендами на сближение) актуальна и неизбежна [23, с. 24]. Другими словами, факторы конвергенции и дивергенции можно считать ключевыми элементами эволюционного развития общества, а глокализационные¹ процессы в своем роде стимулируют глобализационные. Думается, несмотря на коронавирусные ограничения и локдауны, мировые сообщества продолжают развиваться в рамках этих трендов.

¹ Кстати, в контексте обсуждаемой темы представляет интерес концепция неотрайбализма (от англ. tribe — племя), предложенная в середине 1990-х гг. французским социологом М. Маффесоли [25], который заметил стремление человека эпохи постмодерна к «локализации» — объединению в локальные группы по ряду оснований (например, по интересам, территориальному, политическому, культурному и иным признакам). Система присущих неотрайбам отношений похожа на принятую в архаичных социумах: для их членов характерны эмоциональные оценки, нестабильная и ситуативная солидарность, чувство исключительности по сравнению с «иноплеменниками». Вероятно, стрессовая и неопределенная ситуация пандемии COVID-19 активизировала эти процессы. О схожих тенденциях, сигнализирующих о социальной нестабильности, писал и З. Бауман [13]. Очевидно, данные тренды пойдут на спад со временем, когда растерянность перед новым вызовом века уменьшится.

Помимо этого, пандемия COVID-19 во многом перезапустила процессы регионализации¹. Борьба с пандемией COVID-19 с учетом местных особенностей становится реальной объединяющей идеей для тех или иных региональных сообществ. Отечественный политолог О. Г. Леонова отмечает, что для региональной интеграции, помимо схожих экономических и политических моделей развития, важно иметь близкую систему ценностей — при таких вводных локальные сообщества охотнее объединяются в макрорегионы [4]. Например, если говорить о реалиях нашей страны, то для такого мощного в плане ресурсного потенциала макрорегиона, как Сибирь, есть дополнительный шанс для успешного развития даже в рамках коронавирусного сценария.

«Современная личность» против пандемии COVID-19

Говоря о влияющих на модернизационные тенденции эффектах пандемии, нельзя обойти стороной индивидуально-личностный аспект модернизации. Очевидно, что за последние годы обозначился ряд требований к личности, способной не просто выжить, но и эффективно действовать в условиях новой коронавирусной реальности в частности и глобальных кризисов в целом.

В числе требований к личности XXI в. можно считать не только освоение антиковидных бытовых поведенческих норм (соблюдение правил гигиены, социального дистанцирования, навыков «цифрового общежития» и пр.), но и определенную мировоззренческую трансформацию. Сегодня, по словам специалистов, способствовать солидарным действиям, противостоять панике и алармистским настроениям может идея «общей судьбы» человечества [34, с. 462].

На наш взгляд, адекватная реалиям общества глобального риска система ценностей была сфор-

мулирована американским социологом А. Инкельсом еще в 1970-е гг. и имеет непосредственное отношение к теме модернизации. Изучая ценности и социальные практики жителей модернизирующихся обществ, коллектив исследователей под руководством А. Инкельса обнаружил черты особого — современного — типа личности. «Современного человека» отличает развитое чувство социальной ответственности, ощущение, что он способен самостоятельно или в кооперации с другими влиять на окружающую действительность, а также независимость, открытость новациям и изменениям, устремленность в будущее, высокий уровень толерантности и правосознания [22]. Заметим, что выделенные А. Инкельсом ценности модерна не так уж и новы, а главное, они не противоречат общечеловеческим нормам и принципам морали, не имеют особой социокультурной специфики, то есть инвариантны. Очевидно, что в условиях пандемии COVID-19 качества свободно мыслящей, способной к солидарным действиям и не боящейся перемен «современной личности» чрезвычайно востребованы.

В качестве примера приведем результаты исследования автора настоящей статьи, в рамках которого выяснялось, как модель «современной личности» работает в приложении к молодым россиянам. Результаты опроса, проведенного в 2008-2009 гг., показали, что соотношение современных и традиционных поведенческих установок в сознании молодежи зависит от уровня их социальных ресурсов. Сперва, на основании специально разработанной методики, было опрошено 1 600 учащихся 10-11 классов общеобразовательных школ и колледжей Москвы (возраст респондентов — 15-18 лет; по 800 чел. в каждой подвыборке; первые условно были отнесены к сильноресурсной группе, вторые — к слабонересурсной). По результатам опроса из общего числа респондентов были выделены группы «модернистов» и «традиционалистов». Среди старшеклассников соотношение «модернистов» и «традиционалистов» составило 23 и 7%, в подвыборке студентов колледжей, наоборот, «модернистов» (5%) меньше, чем «традиционалистов» (15%)². Посколь-

¹ Заметим, что футурологи задолго до пандемии обсуждали альтернативные варианты будущего, связанные с усилением процесса регионализации. Так, австралийский философ Р. Уотсон выдвигал в качестве гипотезы возникновение системы городов-государств, что может способствовать возрождению производств местной продукции и экономическому протекционизму [36].

² Различия статистически значимы на уровне $\leq 0,001$.

ку большинство опрошенных в обеих группах выбирает смешанный тип поведенческих намерений, можно предположить, что при благоприятных социальных обстоятельствах (то есть располагающих к демонстрации современных качеств) среди новых поколений россиян число модерно ориентированных людей станет больше. Но и сейчас можно сделать вывод о том, что поколение российских миллениалов (и, скорее всего, следующих за ними центениалов, которые пока мало изучены) обладает значительным модернизационным потенциалом.

Как показывают результаты ряда массовых опросов и социологических исследований, отечественные миллениалы по многим характеристикам не сильно отличаются от своих сверстников в западных странах: они также вовлечены в цифровые технологии и сформировались под их воздействием, довольно поздно вступают во взрослую жизнь (дольше учатся, позже создают семьи), выделяются нестандартными и индивидуализированными жизненными и карьерными траекториями [5, 32]. Прежде всего это связано со сложными социальными и экономическими условиями, в которых пришлось взрослеть этому поколению: мировой финансовый кризис, рост безработицы, трудности с приобретением жилья, необходимость получения качественного образования, а значит, удлинение периода обучения. Открытость новому, хорошие адаптивные способности и активность представителей новых поколений делают значительную часть молодежи одной из наиболее адаптированных к послед-

ствиям пандемии COVID-19 социальных групп в России и за рубежом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что пандемия COVID-19 не только повлияла на модернизационные процессы, но отчасти и сама ими обусловлена. Урбанизация, высокий уровень плотности населения, глобализационные и иные тренды создали определенную почву для разразившегося коронавирусного кризиса. Многие социальные изменения, спровоцированные пандемией (деглобализация, распад межнациональных связей, усиление социального неравенства, тренды на архаизацию, изоляцию и авторитаризм), вызывают справедливые опасения специалистов. Вместе с тем нельзя сказать, что модернизационные процессы в период локдаунов и карантинных ограничений остановились. Работа в ряде сфер общественной жизни России и зарубежных стран не только не прекратилась, но и стала интенсивнее и креативнее: совершенствуются системы здравоохранения, образования, рынка труда, второе рождение переживают информационные технологии. Также был задан вектор для формирования нового типа личности — человека, умеющего эффективно реагировать на глобальные кризисы и способного к социальной ответственности, солидарности и эмпатии. В целом в данных условиях правильнее говорить о многофакторном взаимовлиянии последствий пандемии COVID-19 и процессов модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. С. 44-271.
2. Волков Ю. Г. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов // Гуманитарий Юга России. 2020. Том 9. № 2. С. 17-32. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О. Г. Леонова // Век глобализации. 2013. № 1. С. 59-66.
5. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1

6. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии = *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie* / Ф. Тённис; пер. с нем. Д. В. Складнева. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
7. Травин Д. Я. Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России / Д. Я. Травин. 2-е изд. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2019. 336 с.
8. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы / В. Г. Федотова. М.: Институт философии РАН, 1997. 255 с.
9. Ханин Г. И. Только ли демодернизация происходила в России в последние 20 лет? / Г. И. Ханин // Экономика и организация промышленного производства. 2010. № 8. С. 118-133.
10. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
11. Щербак А. Вирусы, эпидемии и теория модернизации: друзья или враги?: препринт М-78/20 / А. Щербак. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 32 с.
12. Alon T. The impact of COVID-19 on gender equality / T. Alon, M. Dоеpke, J. Olmstead-Rumsey, M. Tertilt // NBER working paper series. Cambridge, MA: NBER, 2020. N 26947. 37 pp.
13. Bauman Z. *Liquid Modernity* / Z. Bauman. Cambridge, UK: Polity Press; Malden, MA: Blackwell, 2000. 228 pp.
14. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity* / U. Beck. London: Sage, 1992. 260 pp.
15. Black C. E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History* / C. E. Black. N. Y.: Harper Colophon Books, 1975. 207 pp.
16. Collins R. Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity / R. Collins // *American Journal of Cultural Sociology*. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 477-497. DOI: 10.1057/s41290-020-00120-z
17. Comte A. *Positive Philosophy* / A. Comte. London: Trübner & Co., 1853. 2 Vol.
18. Connell R. COVID-19 / sociology / R. Connell // *Journal of Sociology*. 2020. Vol. 56. No. 4. Pp. 745-751. DOI: 10.1177/1440783320943262
19. Craig D. Pandemic and its metaphors: Sontag revisited in the COVID-19 era / D. Craig // *European Journal of Cultural Studies*. 2020. Vol. 23. No. 6. Pp. 1025-1032. DOI: 10.1177/1367549420938403
20. Giddens A. *The Consequences of Modernity* / A. Giddens. Cambridge: Polity Press, 1990. 188 pp.
21. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* / S. P. Huntington. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 pp.
22. Inkeles A. *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries* / A. Inkeles, D. H. Smith. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. 437 pp.
23. Inkeles A. *One World Emerging?: Convergence and Divergence in Industrial Societies* / A. Inkeles. London: Routledge, 2019. 448 pp.
24. Levy M. J. *Modernization and the Structure of Societies* / M. J. Levy. Princeton, 1966. 886 pp.
25. Maffesoli M. *The time of the tribes: the decline of individualism in mass society* / M. Maffesoli. London: Sage, 1996. 176 pp.
26. Matthewman S. A sociology of COVID-19 / S. Matthewman, K. Huppatz // *Journal of Sociology*. 2020. Vol. 56. No. 4. Pp. 675-683. DOI: 10.1177/1440783320939416
27. *Modernization: Protest and Change* / ed. by S. N. Eisenstadt. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. 166 pp.
28. Pickersgill M. Pandemic sociology / M. Pickersgill // *Engaging Science, Technology and Society*. 2020. Vol. 6. Pp. 347-350. DOI: 10.17351/ests2020.523
29. Pleyers G. Global sociology in the pandemic / G. Pleyers // *Global Dialogue*. 2020. Vol. 10. No. 2. Pp. 1-3.
30. Robertson R. Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity / R. Robertson // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage, 1995. Pp. 25-44.
31. Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto* / W. W. Rostow. Cambridge, 1960. 179 pp.

32. Serracant P. The impact of the economic crisis on youth trajectories: a case study from Southern Europe / P. Serracant // *Young*. 2015. Vol. 23. No. 1. Pp. 39-58. DOI: 10.1177/1103308814557398
33. *The Dictionary of Coronavirus Culture* / ed. by A. Bradshaw, J. Hietanen. London: Repeater Books, 2020. 203 pp.
34. Van Bavel J. J. Using social and behavioral science to support COVID-19 pandemic response / J. J. Van Bavel, K. Baicker, P. S. Boggio et al. // *Nature: Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. Pp. 460-471. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z
35. Ward P. R. A sociology of COVID-19 pandemic: a commentary and research agenda for sociologists / P. R. Ward // *Journal of Sociology*. 2020. Vol. 56. No. 4. Pp. 726-735. DOI: 10.1177/1440783320939682
36. Watson R. *The Future: 50 Ideas You Really Need to Know* / R. Watson. London: Quercus, 2012. 208 pp.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-35-46

UDC 316.4

Modernization of the society under the circumstances of the COVID-19 pandemic: global and local transformations

Maiya A. Yadova

Cand. Sci. (Soc.), Head of the Department of Sociology and Social Psychology,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-2988-1513
m.yadova@mail.ru

Abstract. The paper studies how COVID-19 influenced the processes, related to the modernization of the social development. It presents the results of the domestic and foreign social studies, related to the conceptual consideration of the global and local social changes, caused by pandemics consequences. The study demonstrates how modernization processes are associated with the growing trends of deglobalization, strengthening of social inequality, weakening of the international relations, and also with the transformation of the former social structure and conventional forms of social interaction. The paper notes the contradictory nature of the influence of the post-COVID changes on the modernizing trends. On the one hand, new vectors to modernize a number of spheres of social life (systems of health care, education, government management, trade) were indicated, wide possibilities for digitalization and development of IT appeared, on the other hand – the isolationist and conformist intentions are intensified. An increased focus is put on individual and personal estimation of social modernization. The author, relying on empiric data of her own studies, analyzes the concept of “modern personality” by the American sociologist A. Inkeles, showing its efficiency under the circumstances of the quickly changing realities of the post-COVID society. The qualities of the “modern personality” (openness to changes, social responsibility) allow giving an adequate response to the new challenges and risks. It is assumed that the representatives of the generation of millennials and generation Z, who have a significant modernizing potential and have been formed under the circumstances of the specific “conditions of growing-up”, are one of the most adapted to consequences of the COVID-19 pandemic social groups in Russia and foreign countries.

Keywords: modernization of the society, COVID-19 pandemic, youth, A. Inkeles’ concept of “modern personality”.

Citation: Yadova M. A. 2021. “Modernization of the society under the circumstances of the COVID-19 pandemic: global and local transformations”. *Siberian Socium*, vol. 5, no. 4 (18), pp. 35-46.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-35-46

REFERENCES

1. Weber M. 1990. “The protestant ethic and the spirit of capitalism”. Favorites. Translated from German and edited by Yu. N. Davydov. Moscow: Progress. Pp. 44-271. [In Russian]
2. Volkov Yu. G., Kurbatov V. I. 2020. “Global pandemic sociology: domestic and foreign scenarios and trends of the post-coronavirus world”. *Humanities of the South of Russia*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 17-32. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1 [In Russian]
3. Durkheim E. 1996. *The Division of Labour in Society*. Translated from French by A. B. Gofman, notes by V. V. Sapov. Moscow: Kanon. 432 p. [In Russian]

4. Leonova O. G. 2013. "Global regionalization as a phenomenon of the global world development". *Age of Globalization*, no. 1, pp. 59-66. [In Russian]
5. Radaev V. V. 2019. *Millennials: how the Russian society changes*. Moscow: HSE. 224 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 [In Russian]
6. Tönnies F. 2002. *Gemeinschaft and Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie* Translated from German by D. V. Sklyadnev. Moscow: University Fund; Saint Petersburg: Vladimir Dal. 452 p. [In Russian]
7. Travins D. Ya. 2019 [2015]. *Russian mountains of the 21st century: postmodernization and the problems of Russia*. 2nd ed. Saint Petersburg: EUSP Press. 336 p. [In Russian]
8. Fedotova V. G. 1997. *Modernization of "Another" Europe*. Moscow: Institute of Philosophy RAS. 255 p. [In Russian]
9. Khanin G. I. 2010. "Does only demodernization took place in Russia during last 20 years?". *Economics and Industrial Engineering*, no. 8, pp. 118-133. [In Russian]
10. Sztompka P. 1996. *The Sociology of Social Change*. Translated from English, edited by V. A. Yadov. Moscow: Aspect Press. 416 p. [In Russian]
11. Sherbak A. 2020. "Viruses, epidemics and modernization theory: friends or enemies?". Preprint M-78/20. Saint Petersburg: EUSP Press. 32 p. [In Russian]
12. Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. 2020. *The Impact of COVID-19 on Gender Equality*. Cambridge, MA: NBER. 37 p. (NBER working paper series; N 26947).
13. Bauman Z. 2000. *Liquid Modernity*. Cambridge, UK: Polity Press; Malden, MA: Blackwell. 228 p.
14. Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage. 260 p.
15. Black C. E. 1975. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper Colophon Books. 207 p.
16. Collins R. 2020. "Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity". *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no. 3, pp. 477-497. DOI: 10.1057/s41290-020-00120-z
17. Comte A. 1853. *Positive Philosophy*. London: Trübner and Co. Vol. 2.
18. Connell R. 2020. "COVID-19 / sociology". *Journal of Sociology*, vol. 56, no. 4, pp. 745-751. DOI: 10.1177/1440783320943262
19. Craig D. 2020. "Pandemic and its metaphors: Sontag revisited in the COVID-19 era". *European Journal of Cultural Studies*, vol. 23, no. 6, pp. 1025-1032. DOI: 10.1177/1367549420938403
20. Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press. 188 p.
21. Huntington S. P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster. 368 p.
22. Inkeles A., Smith D. H. 1974. *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 437 p.
23. Inkeles A. 2019 [1998]. *One World Emerging?: Convergence and Divergence in Industrial Societies*. 2nd ed. London : Routledge. 448 p.
24. Levy M. J. 1966. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966. 886 p.
25. Maffesoli M. 1996. *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: Sage. 176 p.
26. Matthewman S., Huppatz K. 2020. "A sociology of COVID-19". *Journal of Sociology*, vol. 56, no. 4, pp. 675-683. DOI: 10.1177/1440783320939416
27. Eisenstadt S. N. (ed.). 1966. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 166 p.
28. Pickersgill M. 2020. "Pandemic sociology". *Engaging Science, Technology and Society*, vol. 6, pp. 347-350. DOI: 10.17351/ests2020.523
29. Pleyers G. 2020. "Global sociology in the pandemic". *Global Dialogue*, vol. 10, no. 2, pp. 1-3.
30. Robertson R. 1995. "Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity". *Global Modernities*. Edited by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. London: Sage. Pp. 25-44.
31. Rostow W. W. 1960. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge. 179 p.

32. Serracant P. 2015. "The impact of the economic crisis on youth trajectories: a case study from Southern Europe". *Young*, vol. 23, no. 1, pp. 39-58. DOI: 10.1177/1103308814557398
33. Bradshaw A., Hietanen J. (eds.) 2020. *The Dictionary of Coronavirus Culture*. London: Repeater Books. 203 p.
34. Van Bavel J. J., Baicker K., Boggio P. S. et al. 2020. "Using social and behavioral science to support COVID-19. Pandemic Response". *Nature: Human Behaviour*, vol. 4, pp. 460-471. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z
35. Ward P. R. 2020. "A sociology of COVID-19 pandemic: a commentary and research agenda for sociologists". *Journal of Sociology*, vol. 56, no. 4, pp. 726-735. DOI: 10.1177/1440783320939682
36. Watson R. 2012. *The Future: 50 Ideas You Really Need to Know*. London: Quercus. 208 p.